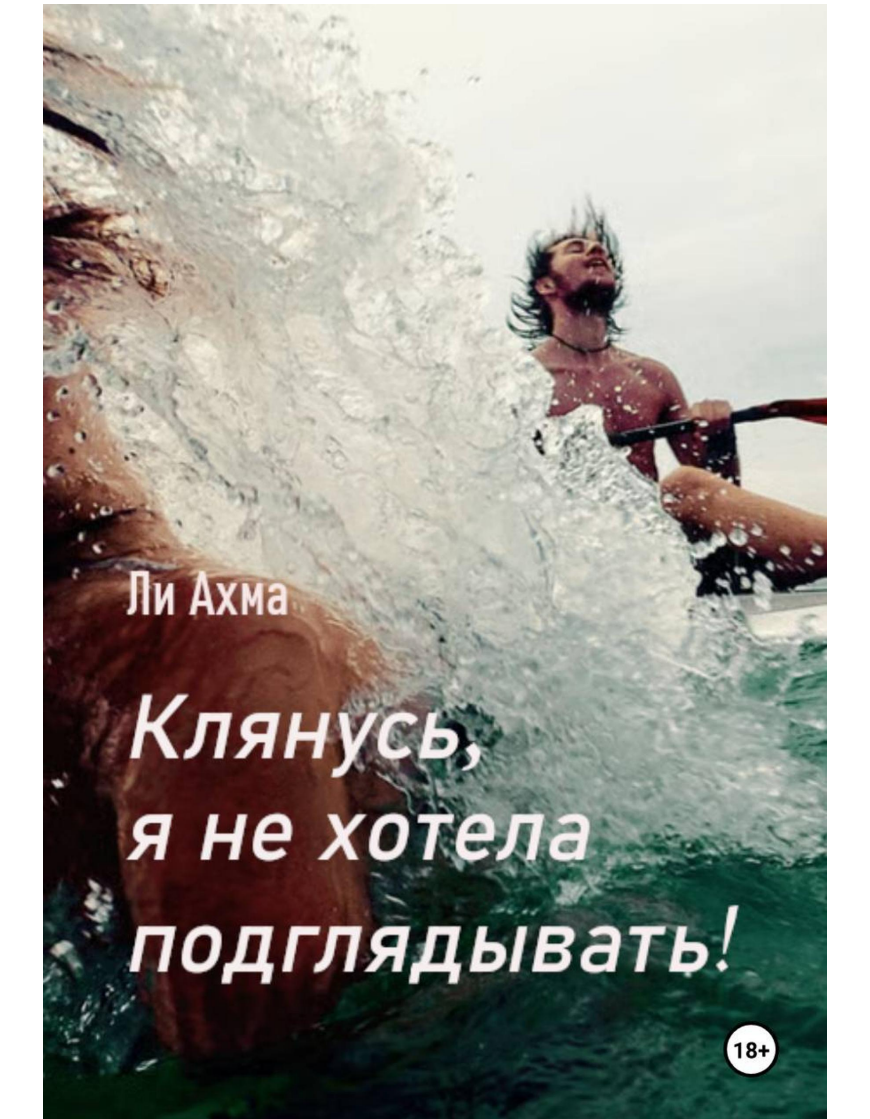

A man with a beard and long hair is in a kayak, splashing through a large, white, foamy wave. He is looking up with his mouth open, and his hair is flying. The water is a deep green color. The text is overlaid on the left side of the image.

Ли Ахма

**Клянусь,
я не хотела
подглядывать!**

18+

Ли Ахма

Клянусь, я не хотела подглядывать!

<https://litres.ru/73825511>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Клянусь, я не хотела подглядывать» – это не каноничный любовный роман, но история о влечении, которое может перерасти в любовь. Гарантии, как и в жизни, никто не даст – и автор не будет обманывать обещанием сладкой сказки.

Здесь анатомия физической близости подана эстетически, язык страсти наполнен образами. А ещё героям не нужно сильно страдать, чтобы быть счастливыми. Откройте книгу – и они расскажут обо всем сами, от первого лица.

"Привет, я Диана, и я не хотела подглядывать! Это все магия озера и красота прирожденного натурщика. А что дачный хулиган окажется тем, кто перевернет всю мою жизнь, я и вовсе не могла бы додуматься".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Клянусь, я не хотела подглядывать!

Глава 1

Диана

Я увидела его совершенно случайно, клянусь! И вовсе не хотела подсматривать!

Просто шла себе к маленькому озерцу, спрятанному посреди рощи. Ну, знаете, такие озера бывают чуть ли не возле каждой деревни: рыли, рыли зачем-то котлован, наткнулись на ключ, да оставили эту затею. А яма превратилась в топкую запруду, обросла ивами, словно густыми ресницами – зеленый глаз. С берега не зайти: вязко. Но можно взобраться на низкую ветку, да сигануть оттуда, обязательно с громким визгом. Главное при этом – сразу же плыть, не касаясь ногами дна. Оно противное до ужаса, бррррр! А вот посреди озерка водичка чистая, ключ разгоняет ряску, прибывает к мохнатым берегам. Холодная – жуть, но в летний зной самое то. Словно глоток свежего кваса после баньки. Или ледяного Moet&Chandon после июльской прогулки на Лазурном берегу – тут уж кому чего. Я во Франции не была, но мечтать не вредно. Да и в моих Урочищах сейчас такие виды открывались, мм! Никакого Сен-Тропе не надо.

Во-первых, спина. Правильная такая мужская спина, не перекачанная, как лопнувшая шина. Широкая в плечах, узкая к талии. Загорелая донельзя, с татуировкой на лопатке. Но что там набито? Не рассмотреть тем более, что взгляд отвлекает то, что пониже спины. Вы уже догадались? Крепкий мужской зад. Не оттопыренный, как у качков, и не похожий на сдутые к третьему дню после вечеринки воздушные шарики. Золотая середина. Просто – Крепкая Мужская Задница. Как-то я рассказала Кириллу, что многие женщины любят и очень ценят данную часть тела, а он очень удивился. Ведь что женщинам с ней, с мужской задницей, делать? Не для чего, дескать, не пригодна. Ан нет. Сама я с удовольствием могла и ущипнуть его за попу, и пошловато шлёпнуть. И каждый раз это оскорбленное лицо в ответ: да как Его, да по «пятой точке»? Нет, можно только восхищённо оглаживать мощные плечи. Seriously, попа – это очень, очень важно. Особенно когда кладешь на нее ладони во время секса, сжимаешь пальчиками, слегка царапаешь – давай, давай, еще, глубже!

Обладатель правильной спины и правильной попы стоит на ивовой ветке, слегка пружиня, как прыгун с трамплина. Ноги длинные, худые и немного кривоватые – стандартные мужские ноги, но кого это волнует? Главное, что справляются со своим делом: носят по миру такую красоту и правильность. А сейчас они делают то, что должны: отталкиваются от ветки, мелькают в воздухе и уходят под воду с гром-

ким «бульк» вслед за восхитительно поджарым телом. Тут же раздаётся сдавленное «Ха!», а следом ещё что-то, похожее на нецензурщину.

Русал выныривает, фыркает, мотает головой с коротким ёжиком темных волос и быстрым кролем плывет к середине озера. Только бы не обернулся! Мое убежище крайне ненадёжно: всего-то тонкое одинокое деревцо, за которым я вот уже пару минут как застыла. Будто греческий бог Пан, который подкарауливает обнаженную нимфу. Но купальщик и знать не знает, что за ним подглядывают. Господи, стыдоба-то какая! Что же дальше?

А дальше он переворачивается на спину. И как только терпит, холодно же? Жаль, водичка не держит тело на плаву, все же не море. Я бы рассмотрела все как следует эх, далеко. Не о том думаешь, Диана, не о том. Тебе бы определиться: тихонько уйти, пока не заметил. Или, напротив, пошуметь: мол, я тут, пора тебе, красавец, как-то прикрыться. Я вообще-то тоже купаться собралась, три километра пешком прошла ради этого важного дела.

Пока я маюсь, как нерешительный сатир, мой «нимф» плывет обратно к плакучей иве. А вот и долгожданный анфас! Черт побери, ну почему у меня не супер-геройское зрение? Может, пригнуться и по-шпионски перебраться поближе, вон к тому кусту? Ох, поздно. Владелец мужских правильностей уже цепляется руками за ветку, что стелится по воде, буквально-таки взвивается в воздух и хватается за свой

«трамплин». Подтягивается ещё немного бинго! Мелькает черная курчавая поросль а вот и оно, *то самое*. Ну а как ещё это назвать? От «члена» у меня нездоровые ассоциации с математикой. Ну хоть убейте, не могу забыть девятый класс и тридцать красных, лопающихся от смеха подростковых харь. То есть, простите, лиц. «Да, Марь Иванна, мы записали – многочлен». А про «пенис» и говорить не хочу. Идиотское, ей-богу, слово, противное. Стыдливый компромисс между честными тремя буквами и пафосным «достоинством».

Русал, меж тем, вновь усаживается на ветку, болтая волосатыми ногами, опускает голову и смотрит на воду. Очень он мне напоминает в этот момент соседа по даче Ваську, с кем купались, вот так, на школьных каникулах. Эх, Васька, деревенский ты хулиган! Из-за тебя не спала ночами, плакала и вставала только к обеду, прятала глаза. «У тебя температура, Диана?», – полные тревоги глаза мамы. И мое сгорающее, маятное нутро. Не скажешь же: «Нет, мама, Васька подбил голыми испкупаться, а теперь ходит-зыркает, боюсь всем расскажет! Выйдешь на дачную улицу гулять, а тебе мальчишки из-за забора – вон, проститутка идёт!». Но Васька не рассказывал. Все же неплохой был пацан, хоть и задиристый.

Я вовсю тарашусь на незнакомца, потеряв всякую осторожность, очень уж хочется рассмотреть побольше. Вдруг он скидывает голову и глядит прямо, будто прожектором в лицо светит.

– Долго смотреть будешь? – Голос хрипловатый, насмеш-

ливый. Даже подбородком дёрнул, как шпана на разборках. Никакого тебе томного «иди сюда, дева стыдливая». Такой за словом в карман не полезет, а то и назовет каким-нибудь обидным эпитетом, вздумай я умничать. Все возможные ответы застревают в горле. Ну и что ему возразить? Что подсматривать за голыми не наказуемо Уголовным кодексом? Или что «вообще-то, молодой человек, тут вам не приватная вилла, а вполне себе общественное место?». Как-то по-теткински. А мне всего двадцать пять, я городская и дерзкая, да ещё с карьерой. Ну как – в самом начале карьеры, но то дело поправимое.

– Я, вообще-то, ждала, пока вы оденетесь. – Решила не нарываться, а выбрать нейтральное. Жалко, однако, если оденется. Но всему хорошему приходит конец, вот и мое эстетическое удовольствие завершилось.

– Зачем? Мне и так норм.

Русал мой, который на глазах превращается в обычного дачного оболтуса, решает показать, как ему комфортно. Разворачивается спиной к стволу и ногу одну на ветку ставит. Смотри, мол, на меня, во всей красе. Да что я могу в этот момент усмотреть? Это вам не тихонечко анонимно подглядывать, сохраняя инкогнито. Это мне предлагается нагло уставиться на мужское великолепие, а я до такого бесстыдства ещё не доросла. Остается только глаза в землю опустить: простите, сын-барина, глупую крепостную.

– Хотелось бы искупаться, – на всякий случай поясняю,

вдруг не дошло до «нимфа». Все они, дачные хулиганы, такие: сначала засмущают, поиздеваются, а потом все же милосердно отступятся. Не звери же, соседи все-таки.

– Так купа-а-айся, что я там не видел, – тянет «ааа» лениво, будто кошка мяукает. – Глаза закрою, не бойсь.

Ну вот ещё, нашел дуру! Я-то, конечно, в купальнике, но мало ли что голому на ум взбредет? А ну как сиганет за мной в воду! Ну, с другой стороны, а будь он в плавках? Разве ж это гарантия, наподобие железного пояса верности?

– Я племянник Игнатьича, – все так же лениво добавляет натурщик. Слово неожиданно выскочило: натурщик как есть, только для художника времён Возрождения ему позировать. Однако о чем это он? Сейчас прозвучала крайне важная информация, дарящая облегчение. Игнатьич – наш сосед через два дома, наискосок, единственный мастер по ремонту авто на все окрестные деревни и дачные поселки. Хороший такой мужик, непьющий. Нет-нет, да племянником хвастался, говорил, что тот живёт за границей, большую карьеру сделал. Только вот этот конкретный русал, похоже, другой племянник, про которого Игнатьич обычно отмалчивался. Говорили вроде, что непутёвый он – то ли с бандитами дело имеет, то ли в тюрьме сидит. А то и все сразу. Ну раз поручился Игнатьичем, значит признал соседку, которая только сегодня утром приехала из города на красной «хонде». То бишь, меня.

– Я подхожу!

Ну и зачем предупредила? Господин Крепкий Зад лишь дёргает небрежно головой. Приближаюсь к дереву в нерешительности: откуда нырять? Стратегическое место занято. Да что ему, уплыть трудно подальше, пока я в воду спускаюсь?

— Ты не мог бы ну, отплыть, пока я прыгаю. — Вот же, ещё просить приходится!

«Нимф» поворачивает голову, и тут я наконец-то могу рассмотреть его поближе. Не знаю ничего про «правильные черты лица» или «классическую линию подбородка» — разве ж это хоть что-то описывает? Я в этот момент вижу только синюющие глаза с длинными черными ресницами, на которых застыли капельки воды. Такими густыми, что зависть берет, попалам с восхищением: вот на кой мужчинам такие длинные ресницы? Смотрел бы так, не раскрывая рта, и любая вмиг растает, растечется лужицей.

Сударь Натурщик подтверждает мою мысль про «не открывать рта», цыкая зубом. Это так по-хулигански, так по-мальчишески, и так не вяжется с прекрасным обликом, что невольно думается: он это нарочно. А сейчас и улыбается кривовато, обнаруживая сколотый резец. Вот же шпана, как она есть! «Леди и хулиган» — поневоле я тут же придумываю заголовок для той любовной книжки, где мы обязательно займемся жарким сексом. Ой-ей-ей, опять не туда, Диана! Ты в отношениях, пусть и поставленных на паузу. Да и не леди, как ни крути. Леди за обнаженными мужчинами не подглядывают.

Давай же, мальчиш-плохиш, пошевеливайся! И не гляди так оценивающе, будто это я голая перед тобой. Глаза мои не знают, куда смотреть: их, словно магнитом, притягивает местечко чуть ниже пупка. Туда, где оно самое, греховное! Русал молча разворачивается и сигает в воду, сверкая всеми обнаженными участками тела.

Я торопливо стягиваю сарафан и скидываю сандалии. Не опозориться бы, залезая на дерево, все ж навыки с детства слегка подутеряны. Это в былые времена я карабкалась на здоровенную березу, обдирая ладошки и коленки, наперегонки с коварным Васькой. Какими вкусными были простые карамельки, что мы брали собой в эти восхождения!

Однако испытание я прохожу достойно: карабкаюсь на погнутую ветку, перехватываю соседнюю руками, с трудом выпрямляясь – была ни была! Пружинить не буду: боязно, а ну как сорвусь. Хочу прыгнуть элегантно, как это делала в бассейне, но прихожу в себя. Я тут, чтобы вспомнить детство и отдохнуть растерзанной душой!

Раз, два, три – громкий визг – бултых!

Ледяная вода проглатывает с головой, за секунду продирает до костей. Вынырываю я, будто заново рождаюсь, таким сильным кажется контраст с душным летним зноем. Где же нагловатый «нимф»: поди как наблюдает? Я верчу головой в стремлении обнаружить пропавшего. Говорят же: исчез, как в воду канул. Похоже, истинная правда – нет его нигде. Не утонул же?

– Ай! – визжу, когда чувствую короткое, но дерзкое прикосновение к ягодице. Бьюсь, как сумасшедший дельфин, и тут же, разумеется, ухожу под воду. Кажется, я сейчас захлебнусь! Меня подхватывают мужские руки, толкают наверх. Паника накрывает с головой, и я хватаюсь за сударя Наглую Задницу со всей силой инстинкта выживания.

– погоди ты, утопишь! – Он несколько раз встряхивает меня, а потом разворачивает к себе спиной и прижимает к боку. Сознание мое отщелкивает кадры. Шелк! – меня обхватывает под грудь сильная рука. Шелк! – мы рывками движемся к плакучей иве. Шелк! – я повисаю на нижней ветке, кверху попой. Шелк! – меня грузят на плечо и выносят на берег.

В себя прихожу на коленях незнакомца, дрожа всем телом и уткнувшись ему в плечо. Руки хулигана ласково поглаживают спину.

– Ну тихо ты, тихо. Испугалась? – и ещё что-то такое, успокоительное и бессмысленное. А может, и наоборот: наполненное самым подходящим смыслом. Как будто снова я дурочка, испугавшаяся стаи гусей, а рядом Васька, который посадил меня на закорки и спас от этих дьяволов. Ну а что? Они, между прочим, очень больно щипаются. Я даже когда гуся на новый год запекаю, внутренне до сих пор злорадствую.

И мне бы возмутиться, оттолкнуть, назвать его плохими словами – уверена, все стерпит и даже не возразит. Но очень

не хочется. Да как злиться на такого, как он? Синеглазое хулиганье. Это же почти Васька – уже не совсем друг, но ещё и не «жених». Как он только надо мной не издевался! Да и я в долгу редко оставалась. Однажды подбила за яблоками в чужой сад слазить, да запустила камнем в соседскую дверь, а сама дала деру. Ох, и досталось Ваське тогда! Но он никогда на меня не обижался, а я быстро остывала.

Хулиган нынешний – в два раза старше моего напарника по проделкам. У него сильное красивое тело и жесткий ежик волос. Мы оба мокрые, но июльский зной уже согревает. А еще кровь быстрее бежит по венам, сердце разгоняется. Влажная кожа – к влажной коже. Руки уже не гладят, не успокаивают, они все более требовательные, даже жадные. Как же от него пахнет: летом, травой, свободой, чем-то забытым и знакомым... Пальцы уже в моих волосах, другая рука сжимает талию. А губы? Губы где-то очень близко, у виска, теперь касаются вскользь щеки. Вот они, эти секунды, когда сердце – бух-бух, а впереди – неотвратимость, неизбежность! И маячит в голове всего одна мысль: «Сейчас поцелует или нет? Вот сейчас, сейчас».

Он целует меня, так чувственно, так грешно... Боже, до чего хорошо! Этот язык создан для того, чтобы скользить вот так: то глубоко, то по краю губы, сплетаться с моим, исследовать, покорять! Ты стал бы отважным моряком, мальчиш-плохиш – без страха, без сомнений, только полный впредь! Тебя не испугали бы ураганы, ты и сам – ураган, а я –

в самой середине смерча.

Рука поглаживает грудь, играя с соском. Что ты делаешь со мной, синеглазый хулиган? Мне бы окунуться в холодное озеро, но как оторваться от этих губ, от этих рук, от этого гладкого загорелого тела! Я чувствую твое желание, оно колом упирается мне прямо в бедро. Нельзя, так нельзя! Но меня кружит вихрь, я – в сердце тайфуна.

Через секунду он уже тянется к своим вещам, горкой сваленным неподалеку. Расправляет футболку и укладывает меня на нее. Из кармана шорт возникает шуршащая упаковка, а оттуда – презерватив. Ох, не люблю на это смотреть, но тут не могу оторвать взгляд: как он раскатывает резинку по всей внушительной длине, как приближается ко мне, как устраивается между распахнутых ног. Я готова, готова!

– Аааааа, – над озером проносится мой громкий выдох, когда он заполняет меня. Вот это – твоя главная правильность, мой несносный почти-знакомый незнакомец! Она очень, очень мне подходит! Входит и медленно выходит, пока я не начинаю ёрзать и стонать, давай же быстрее!

– Еще!

– Еще? – Как идут хулигану эти короткие слова, эти простые фразы. О, его не нужно долго просить: его темп становится моим ритмом, я сама – этот ритм! Хочу повторить его языком и губами, притягиваю синеглазого к себе. Вновь этот умелый язык внутри моего рта, а мои руки там, где они хотят быть больше всего на свете – на его крепкой заднице. Она

сейчас просто каменная. Как же напряжено его тело! Я сама превратилась в натянутую струну, которая вибрирует в высокой ноте удовольствия. Но мне этого мало, мало; мы ещё не добрались до крайней октавы.

Синеглазый закидывает мою ногу себе на плечо. Как же глубоко он внутри, как мощно таранит меня, как рвано дышит! Мне немного больно, и стон мой меняется, становится резким. Сударь Проказник снижает напор и теперь входит медленно, покусывая мои губы. Внутри нестерпимо тесно, томно, мучительно. Ладонь проникает между наших тел, накрывает лобок, шаловливый палец начинает кружить вокруг раскаленной точки – и это тоже очень-очень правильно! Кажется, у меня открывается прямой канал с космосом: вот ты какое, настоящее просветление! Зачем же ездить на ретриты в буддистские монастыри, когда можно отдаться незнакомцу жарким летним днём возле студеного озера? Какая же я бездуховная, плохая-дрянная, поганая!

– Даа-а-а! – Глаза мои зажмурены, под веками мелькает огненная мошкара, я улетаю в свою грешную нирвану. Внутри жарко пульсирует мужская плоть.

– Мм-м-м, – глухо вторит мне в губы синеглазый и ложится всем весом, придавливая к земле. И это тоже мне очень-очень необходимо: тяжесть мужского тела, его широкие плечи, его спина, которую можно обнять руками, остановить этот прекрасный миг. Спасибо тебе, Мечта Художника, за то, что не отстраняешься сразу, не говоришь идиотских слов

вроде «это было супер» или «ты очень красивая, дашь номер?». Молчи, просто молчи!

Хочу провести так минуту-другую: глаза прикрыты, сквозь ресницы – солнечные блики, одуряюще пахнет медунницей, и кто-то стрекочет... Наверно, кузнечик, да и какая, к черту, разница! Это просто лето, просто озеро, просто красивый мужчина – на мне и до сих пор во мне.

Как же не хочется начинать думать! Вот нужно отцепиться друг от друга, одеться, что-то сказать, обозначить то, что произошло – например, что ни о чем говорить с соседями не следует. Мерзко, мерзко! Почему после такого секса ему бы просто не раствориться в воздухе? Остался бы прекрасным видением, грешной тайной, а я – всего лишь околдованной озёрной купальщицей! Как же я понимаю мужчин, которые предпочитают тихий побег от случайных подружек на ночь. Уж лучше, чем натужные утренние сцены на кухне с чашкой «дежурного» кофе: он прячет глаза и пытается шутить, думая, когда она свалит; она медлит и неловко кокетничает с независимым видом в надежде, что он попросит номер телефона.

Но правда сурова: это племянник соседа, и нам ещё предстоит увидеться. Ну и пусть, я тут ненадолго, всего на несколько дней. Удивительно, как много всего может подумать женщина за пару секунд после секса, пока на ней ослабленно лежит мужское тело! Он ещё не успел вынуть, а я уже строю стратегию поведения! Господи, ну почему мы,

девушки, такие: вот у хулигана, поди, сейчас в голове звенящая пустота.

– Пить хочу, – хрипло говорит мой прекрасный русал и приподнимается на локтях, а я заглядываю в синие глаза. Ну вот, что и следовало доказать. «Эмоциональный диапазон как у зубочистки». Эх, жизнь, ты неумолима к мечтателям. Никто не испарится в воздухе, добро пожаловать в аттракцион «неловкость».

– У меня есть. – Я решаю сжалиться (глупое женское сердце!) и «намекаю» всем телом, что пора с меня встать. Он медленно перекачивается на спину, закладывает руки за голову, смотрит в небо. Не хватает травинки во рту, и можно писать иллюстрацию к книге «Невыносимая лёгкость бытия».

Иду к забытым вещам, достаю бутылку с водой. Не возвращаться же назад голой? Надеваю сарафан на обнаженное тело. Ткань полупрозрачная, лёгкий ситец не скрывает напряжённых сосков. Вот же радости будет соседским мальчишкам. Может, кто-то из них так впечатлится, что в зрелости сядет за мемуары про взрослую дачницу, которая пробудила чувственность в пубертате.

Возвращаюсь к месту, где произошел пафосный человек назвал бы это «актом любви». Но мы-то с вами знаем, как это называется? Хулиган даже не двинулся с места. Я чувствую, как заливаюсь краской. Раскинувшееся тело с широко расставленными коленями – и тем, что между ними – просто дышит сексом! Будь это иллюстрацией к порно-комиксу, под

ним написали бы «Славно потрахался. Устал». И я краснею только сейчас? Да ты призер соревнований по логике, Диана!

Молча протягиваю бутылку с водой, и ее лениво принимают. Какой хороший момент, чтобы покинуть театр событий! Успеваю пройти несколько шагов, прежде чем слышу в спину:

– Спасибо.

Одно-единственное слово, и лучше б его не было. Спасибо за водичку или спасибо за удовольствие? Спасибо что отдалась, не спросив имени, спасибо что не стала болтать и навязываться? Ненавижу двусмысленности. Если повезёт, до отъезда мы не столкнемся, а там дорожки-пути разведут в разные стороны до конца жизни.

Знала бы я, как ошибалась!

Глава 2

Макс

Лень... в мозгу вертится одно-единственное слово. И правда, давно пора было отдохнуть. Но в последние полтора года навалилась такая работёнка, что об отпуске и речи нет. Все равно, что мечтать о соседней Галактике. И хоть повод приехать в богом забытые Урочища более чем неприятный, все же хорошо, что выбрался. Тем более, что неожиданный отпуск начался таким приятным образом. Мысли плавно сворачивают на вчерашние озерные приключения ...

... Вот она стоит в своем зеленом сарафанчике за тощим деревцем, как будто это надёжное прикрытие! Так себе камуфляж, явно не опытная разведчица. Не торопится дева спускаться к берегу: ну правильно, я-то плаваю в чем мать родила. Интересно, долго ли она тут стоит, многое ли успела разглядеть? Минуты идут одна за другой, и я ловлю себя на глупом желании покрасоваться. Да-да, вы все правильно поняли. Плыву эффектным брассом по кругу, как дрессированный дельфин, вместо того, чтобы просто насладиться одиночеством, красотой дня и тихим озером.

Она смотрит. Я плыву. Она не знает, что замечена.

Интересно, о чем же сейчас думает дерзкая созерцательница? Переворачиваюсь на спину, замираю. Пусть рассматривает! Раз уж я ей так понравился. Или, может, деву

привлекает сам процесс подглядывания? Маленькая такая, стыдная слабость чувственной девушки. Фиксирую неожиданный прилив возбуждения. Нет, так не пойдет! Девица должна расплатиться чем-то за увиденное представление. Да хоть бы собственным смущением! Достаточно, что и меня, взрослого мужика, заставила растеряться и пару минут просто быть под властью этого взгляда. Да, смехотворно для того, кто сам контролирует свою жизнь – вот так, лишиться на время собственной воли. Не много ли чести для случайной девицы?

Накатившая веселая злость на самого себя заставляет рывком подтянуться и выбраться из воды. Внутри дрожит странное, несоразмерное ситуации волнение. Закрываю глаза, расслабляю мышцы, представляю себя водой. Снова усмехаюсь самому себе – дожили, применяю техники самоконтроля, и где? Не на проекте, а буквально в деревенском прудике. Напряжение последних месяцев сказывается и, чего греха таить, воздержание. Любой буддийский монах пожал бы мне руку в знак уважения.

Не было. Просто очень давно у меня этого не было!

Вижу ее сквозь ресницы – платье коротенькое, но рукава длинные, с разрезом похожа на цветную бабочку с крыльями. И что-то уже зарождается в голове, какая-то ассоциация, вполне даже изящная, можно завязать разговор, получится достаточно интеллектуально-небрежно, но...

– Долго смотреть будешь? – выдаю простое и грубое. Она

ощутимо вздрагивает и выходит из-за деревца.

— Я вообще-то ждала, пока Вы оденетесь. — Надо же, «вы-кает», чего в дачном поселке ну вообще ни за кем не водится. Разглядываю бабочку-зеленокрылку, не понимая, откуда во мне вот это вот, неожиданное, быковатое? Видно, месть за лёгкое эротическое унижение.

Постойте, а не она ли это приехала сегодня на красной «хонде»? В дом аккурат напротив дядьки Игнатъича. Точно, соседка. Эти длинные, светлые гладкие волосы, спадающие до поясницы обтянутая джинсами круглая попка. А теперь вот можно разглядеть остальное, уже вблизи.

Я сижу абсолютно голый с раздвинутыми ногами, выставив член на ее обозрение. Именно так. Не поймите меня неправильно, но так я и делаю, решительно подавив смущение.

— Хотелось бы искупаться, — по буквам проговаривает она, принимая, видимо, за деревенского недотепу. Надо же, какое своевременное уточнение! Кто это задирает носик и одновременно стреляет глазками? Странно раскосыми глазками, немного шальными глазками. Впервые, ей-богу, кто-то с покрасневшими щеками пялится так на мое тело. Нет, не поймите неправильно; мне хорошо знакомо женское внимание. Но девчонки на пляжах Аргентины смотрят прямо, просто, естественно, награждая беззубой улыбкой. А не так, дико смущаясь, но с вызовом, и изнемогая от любопытства, и все вместе в какой-то трогательной и сексуальной смеси од-

новременно.

Киваю ей лениво и медленно, а она все мнетя и никак не скинет с себя это чёртово платишко. Говорю ей что-то про Игнатъича, чтобы расслабилась; что-то мерзким тоном, мне совершенно не свойственным. Да ну, к черту! Пусть уже разденется – хотя бы проверю, угадал ли с размером груди. Там что-то вроде тройки с минусом. Садись, плохая девочка, останешься после уроков!

Ныряю – какой же это кайф, ваше глупое мизерное недо-озеро! Хорошо, что далеко от поселка, а то набежали бы сюда всякие тролли с пластиковыми стаканами, накидали бутылок. Сзади раздаётся громкий визг. А девушка-то веселая и непосредственная. И, судя по всему, горячая... Очень хочется дотронуться. Нырнуть, подплыть... Случайности случаются, ведь озеро-то маленькое!

Ох ты ж! Не рассчитал расстояния, чуть не впечатался в прекрасную купальщицу, а она так взбеленилась, что вот-вот утонет!

Транспортируя к берегу свою наяду, мучаюсь раскаянием. Черт дернул связаться с соседкой Игнатъича. Мне всего-то нужно помочь дяде избавиться от черных риелторов, и можно возвращаться к работе. Нацепить костюм и отправиться на скучную сходку технарей. Как же я устал от этой роли! На секунду захотел почувствовать себя подростком – наглым, глупым, безответственным. Какая же бабочка легкая! Просто невесомая, и как доверчиво льнет ко мне! Похоже, ис-

пугалась по-настоящему, глупенькая. Почти обнаженная девушка на моих коленях нуждается в утешении?

Голая. Мокрая. Девушка.

Мозги мои стекают вниз по отделам позвоночника. Надо остановиться, ведь для секса нужно это... активное согласие!

Шаловливая девочка сама находит мои губы. Сама... Не могу отказать, как истинный джентльмен; напротив, желаю проявить максимум усердия. Где-то проносится мысль, что так это и должно было закончиться; с той самой секунды, как заметил ее пристальный взгляд, и как стало ясно, что разглядывает; и как потянуло к ней со страшной силой в воде. И как она отвечает со страстью и готовностью – так, что тоже точно знала, чем все должно закончиться.

Надолго меня на хватит, восставшее естество требует немедленных действий. В кармане шорт завалялась резинка ещё с прошлого отпуска. Сколько там у нее срок годности? Черт, ну наверно пару лет точно! Пластик же не разлагается. Иначе почему против него ополчились экологи?... Если не окажусь в ней прямо сейчас, сдохну.

Какие славные распахнутые ножки! Вот так она и должна быть всегда – в таком виде и с такого ракурса. Черт, черт, черт! Как же тесно и узко, как *правильно*. Моя бабочка громко стонет, то ли ещё будет, милая!

– Еще! – Ах ты, проказница...

– Макс!

Открываю глаза и вздрагиваю. Игнатич стоит на пороге

моей временной комнаты. Подтягиваю одеяло: кажется, оно сейчас слегка напоминает палатку. Перед дядей неловко, но я же взрослый, в конце концов? Кажется, да, взрослый.

Семен Игнатьич имеет помятый вид – похоже, не спал всю ночь, переживал и курил. Оно и понятно: не каждый день твой дом «отжимают».

– Привет, дядь. – Сажусь на кровати, тру левый глаз.

– Стучусь-стучусь, а ты все ни в какую не просыпаешься.

– Игнатьич приземляется на старый диванчик, с надеждой смотрит на меня.

– Сидел за компом всю ночь. – Ага, «сидел», как же. Взламывал базы данных фирмы-однодневки с идиотским, нереально запоминаемым названием. На что, собственно, и рассчитано. Удивительно: обычно бизнес из кожи вон лезет, лишь бы придумать как можно более говорящий бренд. А тут – нечто неудобоваримое, как китайский деликатес «Тунцзыдань».

– Ну и как? Помогло твое хакерство?

Морщусь. Сколько раз объяснять, что не «хакерство», а нормальная белая профессия – удаленное тестирование корпоративных систем безопасности.

– Дядь, я ж тебе все уже объяснил.

– Может, все-таки в полицию? – дядька горестно вздыхает. Ну, держитесь, уроды!

– Еще скажи, к участковому! Ничего полиция не сделает. Соберу материалы и доказательства – и сразу в следственные

органы.

– А если сами приедут? Ну эти, бандиты.

– Не успеют понять, что к чему. Переписку я уже достал, часть липовых документов тоже. По старинке все делают, хранят информацию в бумажках. Но это не проблема – главное, знать, как искать. Сегодня же все доделаю.

– Максим, а точно это законно? – Игнатъич смотрит строго, как будто в детстве: ему бы еще пучок крапивы в руки, а мне – уноситься по проселочной дороге на старой ржавой тачке с улюлюканьем. Эх, ностальгия!

– Слушай, дядь, тебе результат нужен? Нужен. Считай, что я Робин Гуд. Забираю документы у плохих и отдаю... ну, пусть будет, хорошим.

– Только как с дебилом со мной не надо разговаривать! – дядька проявляет авторитет и даже бровями играет. Кивает в сторону стола с белой скатеркой, на котором диким диссонансом смотрятся мой «зенбук» и спутниковый терминал связи. – Интернет-то нормально тут у нас работает?

– Нормально. – Эх, дядька. Решаю оставить при себе другие объяснения: например, что мобильный спутниковый интернет в деревне работает так же, как в городе.

– Ты это извини, что по пустякам отвлекаю. Но у соседки Любы чердачное окно хлопает, надо бы заколотить. Я бы сам пошел, но там на лестницу надо лезть. А у меня колено очень болит. Сделаешь? Делов на пять минут. Она мне из города лекарства привозит, и так, по мелочи. Сегодня вон племян-

ница ее приехала, надо бы забрать пакет.

– Племянница? – задумчиво произношу я. – Племянница – это хорошо... на красной «хонде»?

– Ну да, заметил уже? – дядька понятиливо ухмыляется.

Ага, заметил-заметил. И даже более того. Вновь накатывает шаловливая волна. Пожалуй, я не против увидеть зеленую крышку ещё разок. Но сначала проблема дядьки, а потом все остальное. А если бабочка упорхнет на своей «хонде» – так оно может быть, и к лучшему. Ни в деревне, ни в городе я задерживаться не собираюсь – впереди чемоданы, билет на самолёт, долгий перелет на землю песков и звезд.

Надо вставать и приниматься за дело. Ах да, чердачное окно у соседки. Почему бы не помахать молотком ради разнообразия? Лениво одеваюсь и иду в ванную – у дядьки весьма капитальный дом, двухэтажный, с отличным санузелом. Один из лучших в поселке, который постепенно превращается в коттеджный. Нет, есть еще, конечно, развалюхи – старое деревенское наследие – но пройдет пару лет, и все деревяшки выкупят. А на них месте возведут однотипные кирпичные «виллы». Собственно, поэтому на большой участок Игнатыича и ведётся такая охота. К дядьке уже приезжали, трясли липовым договором купли-продажи, якобы оформленным по доверенности несколько лет назад. Обещали вернуться с постановлением суда о выселении. Хорошо, что я приехал в город по делам и сам позвонил Игнатыичу.

Насвистывая, иду через дорогу к дому соседки. Хоромы

поскромнее дядькиных и очень деревенские – сруб, кирпичная пристройка, все это увенчано деревянной крышей с самым банальным шифером. А вот забор капитальный и ворота добротные. Дверь рядом с ними приоткрыта – Люба уже ждёт меня внутри, в небольшом палисаднике. Сразу за воротами на пяточке припаркована та самая «хонда».

– Доброе утро! Ты же Максим, от Игнатъича?

Молча киваю. Мысли мои находятся в двух местах одновременно: думаю, где бы у дядькиного дома лучше установить оборудование. А второе полушарие ревизирует приятные воспоминания.

– Вот она, лестница. А тут ящик с инструментами, – Люба показывает мне место предстоящих подневольных работ. – Тебе, может, чаю заварить? И пироги есть, племянница привезла.

– Лучше кофе. – Я ещё не завтракал, но есть не хотелось. Нужно побыстрее закончить тут, и возвратиться к «зенбуку». Передо мной довольно хлипкая лестница, по которой мне предстоит поднять наверх пару досок и инструменты. Да, не такими делами я занимался последние пять лет. Как там говорят? Выход из зоны комфорта? Ну вот и чердачное окно – здравствуй, уродец, сейчас мы тебя заколотим. О, а что это у нас тут справа от дома? Похоже, небольшой яблоневый сад. А сквозь ветки мелькает зелёное платье. Трудолюбивая племянница занимается важным делом: собирает яблоки. А ко мне даже не вышла поздороваться: ай-яй-

яй, как невежливо! Ухмыляюсь при мысли, что меня наглым образом попользовали и теперь динамят.

Ну вот, кажется и все, пора спускаться. Едва ставлю ногу на землю, как позади угадывается движение. Ну, привет, милая! Я нацепляю на лицо то, что, должно быть, выглядит как небрежная улыбка. Я идиот. Я очень взволнован.

Оборачиваюсь. Девушка с целой корзиной яблок, которую можно едва обхватить руками, стоит на садовой дорожке в метре от меня. Первое наблюдение: под сарафанчиком нет белья, и картина эта невыразимо прекрасная. Перевожу взгляд на лицо. Ну да, на лицо я смотрю во вторую очередь. Я, в целом, не животное. Это просто деревенский воздух так действует...

Моя купальщица, похоже, тоже смущена – покраснела, смотрит без улыбки. Светлые прядки волос падают на лицо, прикрывая раскосые глаза. Над губой выступили капельки пота. От нее веет чем-то неуловимым: зеленым лугом, если бежать по нему поутру? Прямо так, едва продравши глаза и одевшись, ещё до завтрака – быстрее, быстрее воздушный змей, выше! Я со вчерашнего дня хотел тебя запустить! С такой девчонкой хорошо бы удрать на целый день из дома. И чтоб озеро, рельсы-шпалы до самого горизонта, а под вечер, перед калиткой и обязательным родительским нагоняем – может, поцелует?

В животе неожиданно урчит, сбивая весь поэтически-ностальгический настрой. Я беру из рук зеленокрылки тяже-

люю корзину и отношу на крыльцо. Ноздри щекочет густой, свежий, медвяный яблочный дух. Не могу удержаться: хватаю одно самое красное, самое здоровенное – ну просто яблоко-чемпион – и с наслаждением впиваюсь в сочную мякоть. Ммм!

Зеленокрылка смотрит на меня заворожено, как кролик на удава. Поедаю яблоко, глядя ей прямо в глаза. Это бред, полный бред. Люди так не ведут себя. Даже мужчины и женщины после жаркого секса делают вид, играют в игру, соблюдают социальные правила. Скажем, я могу предложить ей наконец-то познакомиться. И все, пройдет этот морок, и начнем мы бубнить – и про соседство, и про работу, и про кто-что-где-сколько. Я не смогу пошутить, она не станет смеяться.

Яблоко такое спелое, наливное, что нектар начинает стекать по губам прямо на подбородок. Уж не спятил ли я? Что такого в этой девушке, что верхний мозг при виде нее отказывает, отдавая спинному бразды правления? Понятия не имею. Знаю только одно: не могу сейчас просто взять и уйти, но и говорить что-то совершенно не хочется. Кажется, у нас отлично получается общаться без слов.

Девушка отводит взгляд, смотрит вниз, вздыхает и как будто делает движение всем телом; останавливается. А потом вдруг подаётся по мне стремительно. Что ты? Руки на моих плечах, куда-то катиться мигом забытое яблоко. Она притягивает меня к себе за шею и облизывает нижнюю губу ма-

леньким язычком. Вот это неожиданный поворот! Тут же подаётся назад, но я ловлю ее за талию. Ну уж нет, сама прилетела на огонь, теперь не отвертись! Целую ее, а она и не думает уворачиваться. Только прижимается теснее. От прикосновения мягкой груди у меня мгновенно тяжелеет в паху. Снова она в моих руках; тело наливается воспоминанием недавнего. Оно лучше мозга знает, что нужно и что правильно: а правильно вот так – близко, тесно, в сплетении, с ветром в голове, с электричеством на кончиках пальцев.

– Кхе-кхе, – раздается от крыльца. Люба возникает в такой неподходящий момент, что достойна Оскара за «самую раздражающую актрису второго плана». Зеленокрылка отскакивает от меня, как одноименно заряженный магнит. Вот же черт! И поворачиваться к соседке не очень удобно.

– Максим, я тут кофе сделала.

Спасибо вам огромное, кофе мне нужен сейчас в последнюю очередь. Может, бочку с ледяной водой предложите?

– Я закончил. – Веду себя, как настоящий жлоб, разговаривая с тёткой в пол-оборота. Ладно, пусть принимают за хамма. Зато я – хам полезный, окно ведь заколочено. Пора мне уходить отсюда.

– Спасибо! И вот, дяде передай...

Но я уже не слышу продолжения, шагая к дядькиному дому. Точно – идиот. Вроде взрослый уже, а сбегая. Нет, не так: иду заниматься важным делом. Главное повторять это себе почаще, тогда и бабочка упорхнет из памяти, будто ее

там никогда и не было.

Глава 3

Диана. Неделю назад

– Чтооооо?! Что за черт?! – Не веря своим глазам, смотрю в открытое банковское приложение. Там, где ещё совсем недавно была семизначная цифра, издевательски красуется тринадцать копеек. Ноль, запятая, тринадцать!

– Ммм? – раздаётся из-за спины. Кирюша чистит зубы новейшей инновационной щеткой без пластика. В ванной льется вода, на кухне фырчит капучинатор. Отличное, уютное, почти семейное утро (потому что мы не семья). За исключением одного невообразимо вопиющего факта. У меня пропали все деньги! Все!

Будь я героиней старого фильма, встала бы на колени и возопила в небеса, патетически подняв руки: «За что?!». Но я не в кино, а в квартире своего бойфренда. Кстати, знакомьтесь: Кирилл Кастовский, создатель популярного приложения для знакомств, который недавно заработал свой первый долларовый миллион и попал на обложку одного известного бизнес-журнала.

– Денег нет на карте! Всех! И от продажи квартиры тоже! Может, это глюк? – кричу, бегая по по спальне без всякой системы и разумной траектории. – Надо позвонить в банк!

Наконец-то хоть одна здравая мысль: требуется найти телефон. Телефон, Нео, беги к телефону! В одной руке у меня

носок, в другой – паспорт. Что я делаю? Я совершенно выбита из колеи!

– Где у тебя телефон?

– Телефон у тебя в руках. – Спокойный, как удав, Кирилл подходит ко мне и показывает на гаджет. – Позвони прямо из приложения. Погоди-ка дай посмотрю. Тринадцать копеек? Это плохо.

– Господи, конечно, это плохо! Гораздо хуже, чем несколько миллионов! – Я начинаю нехорошо подхихикивать.

– Да я не о том. Просто в случае глюка бывает все по нулям. А тут как будто специально оставили ты что, хранила все деньги на основной карте? – Кирилл смотрит на меня своими серьезными серыми глазами. Мне становится стыдно.

– Да я другая карта как раз перевыпускается, – лепечу, оправдываюсь.

– Нельзя хранить деньги на той карте, с которой делаешь онлайн-покупки, – назидательно говорит Кирилл. Спасибо тебе, родной! Очень своевременно! Да я и сама в курсе, но вот закрутилась, не сделала всё вовремя и по правилам. В мире Кирилла такое мог допустить только полный идиот. Вот и он смотрит на меня недоверчиво. В душе поднимается гадкое чувство, весьма похожее на раздражение.

– Ты на днях что-то покупала?

– Я заказала тебе подарок.

Закрываю глаза. Вот он, этот ужасный промах: винтажный «зодиак» на якобы закрытом сайте коллекционеров, который не так-то просто найти в обычном интернет поиске. Прошла по ссылке с какого-то форума. Кирилл ужасно любит все уникальное, и обычный парфюм – или прыжок с парашюта – ему дарить совершенно бессмысленно. Полка в ванной у него завалена побольше моей раз эдак в десять, а с парашютом он уже прыгал четыре раза. Аккуратно, с инструктором.

– Думаю, тебя хакнули, но давай позвоним в банк. – Он деловито тычет в нужные опции, всем своим видом демонстрируя собранность. Следующие полчаса трачу на разговор со службой безопасности, которая задаёт мне миллион разных вопросов: от модели телефона до последнего места работы, не считая, конечно, полных паспортных данных. И зачем они все это спрашивают? Ведь по итогу: «приезжайте в отделение со всеми документами».

Кирилл в банк не едет: у него важная встреча, дела, совещание и «ну ты же понимаешь». Время бежит в тоскливом напряжении. Ты ещё веришь, надеешься, едешь-идёшь, разговариваешь, но уже маячит впереди осознание: все зря. Ты – трудолюбивая пчёлка: производишь изо дня в день медок, заботливо складывая его в дупле, но в один прекрасный день туда когтистой лапой грубо лезет медведь и выгребает все подчистую. У меня не осталось ничего, кроме машины и двух кредитов.

Ненавижу воришек, мошенников! Ладно бы зарились на

чий-то несметные сокровища (ой, не слушайте, это я не серьёзно), но зачем же грабить такую, как я? У меня всего-навсего была одна маленькая проданная квартирка и мечта – открыть на эти деньги собственное агентство. Сколько же внутри меня злости! И не направить никуда – так и гляди, разорвет пополам. Нужно гневаться на кого-то конкретного. Пусть этот хакер будет неудачником, которого выперли с работы за пьянку и прогулы. С немытой головой, в грязной серой майке и нестиранных трусах, а зубы – жёлтые. Женщины у него отродясь не было, только порно-сайты. Да, вот так нормально, очень даже четко представила. А теперь...

Я – средневековый монах, пытающий Джордано Бруно.

Я – король Эдвард Длинноногий, отдающий приказ четвертовать Уильяма Уоллеса.

Я – Волан-де-Морт, орущий «Авада Кедавра».

Кажется, последнее я произнесла чуть ли не в голос. Вон как странно смотрит таксист, а он, уж будьте уверены, часто подвозит всяких-разных. Что там насчёт пяти стадий принятия? Отрицание, гнев, торг? Разбудите меня кто-нибудь на последней станции!

– Выйти хочу! – Нервы мои не выдерживают. – Остановите тут!

Кидаю купюру на переднее сидение и, как полная неврастеничка, выскакиваю из машины ещё в момент торможения. Мне срочно нужно прогуляться, и этот парк напротив – вполне подойдёт. Днём там точно никого нет: жарко, душ-

но... Пекло. Но неожиданно под тенью клёнов и лип становится чуть прохладнее. Я бесцельно иду по аллее, думая о том, какой неправильный сегодня день. Просто неправильность в квадрате, умноженная на несколько миллионов. А ещё реакция Кирилла: ну вот чего стоит обнять? Сказать что «они» – козлы? Пообещать, что найдет и накажет, или хотя бы попытается? Нет, я понимаю, что он – суперлогичный человек, который не слишком склонен эмоционировать. Но ведь даже ежу сейчас понятно: я страдаю не только от потери денег, но и краха всех планов. Подходящий офис уже найден, команда из пяти человек – готова, среди них моя подруга, которая уволилась с основной работы! Что я им скажу?

В грустных думах добредаю до самого конца парка. Он просто прерывается на холме, как незаконченное предложение. Ни ограды, ни ворот в город – только смотровая площадка. Здесь часто фотографируются молодожены на фоне инсталляции из четырех латинских букв, обозначающих великое чувство. Сейчас символ «О» занят: внутри разместились обнявшаяся парочка. Он что-то шепчет ей на ушко; она тихо смеется, поворачивает голову. Надо бы мне уйти, но они так жадно целуются! Да вы, голубки, в самом начале отношений? О, я знаю этот драйв: все такое новое, будоражащее. Каждое прикосновение – как долгожданное открытие. Казалось бы: все мы более-менее одинаковые в плане физиологии. Почему же поцелуи, одобренные только разгорающимся чувством, такие вкусные, необычные? Мы как будто чи-

таем заново любимую книжку, предварительно стерев себе память.

Рыжий парень крепко обнимает блондинку, держит так, словно она вот-вот ускользнет, растает в воздухе. Он закидывает ее ногу себе на бедро, припадает губами к шее. Им явно плевать на возможных наблюдателей, да и нет никого вокруг в этом конце парка в середине рабочего дня. Но так уж получилось, что есть тайный свидетель интимного момента. Я смотрю на случайно похищенные из чужой жизни кадры. Мне настолько противен этот день и так тошно, что я принимаю эротический визуальный ряд, как противоядие.

Когда девушка запускает руку в шорты любовника, я отворачиваюсь. Эти двое ещё нескоро насытятся друг другом, но все пройдет, страсть остынет, как осеннее солнце. Посыпется листва – и парочка разбежится до новой весны, чтобы познать другие поцелуи уже с чистой незамутненной памятью. Отойдя на пару десятков шагов, оглядываюсь: всего одну секунду, клянусь, и больше не буду подсматривать! Что это? Блондинка подскакивает и поправляет скомканную юбчонку. К ней бежит рыженькая девчушка с какими-то веточками; громко взхлеб рассказывает про свои удивительные открытия, но расстояние скрадывает слова. Парень берет кроху на руки. Вот теперь точно все – большего мне не увидеть, пора закрывать окошко в чужую жизнь. А заодно и дать себе оплеуху за псевдо-жизненные циничные выводы.

Не успеваю отругать себя, потому что в кармане вибриру-

ет телефон. На экране хохочет симпатичный блондин слегка не в фокусе. Кирилл не любит эту фотографию.

– Ди, как дела? Съездила в банк?

Кирилл называет меня «Ди». Я в общем-то не против этого огрызка от имени, но почти себя с ним не ассоциирую. А дома и вовсе не реагирую, услышав из другой комнаты протяжное «иииии».

– Съездила, но пока безрезультатно. Заявление они приняли, но посоветовали обратиться в полицию. Как думаешь, это вообще имеет смысл?

– Мне трудно что-то сказать, я в такой ситуации не был. – (Ну конечно же). – Наверно, стоит. Кто-то же этими делами занимается? Специальный отдел даже есть. – Кирилл немного медлит. – Хочешь, вместе съездим?

– Да, хочу, _ выдыхаю с облегчением. Общение с «органами» меня пугает. Там, в этих казенных помещениях, вечно чувствуешь себя каким-то маленьким, неправым, как будто причастным к нехорошему. Ну, вы знаете: «то ли он украл, то ли у него украли».

– Наверно, это не совсем в тему, но у нас сегодня гости на ужин. Стас с подругой. Мы давно договаривались. Помнишь, купили лосось? Сегодня приготовим вместе, только захвачу каперсы.

– Ну да, помню. – То есть, конечно, ничегошеньки я не помню; плевать мне на каперсы и пафосного Стаса. Но что поделаешь: роль хозяйки никто не отменял. Придется ска-

кать по кухне от «ютуба» до разделочной доски, чтоб ни в каком случае не пропустить ничего важного из видео-инструкции от фудблогера. Ох уж мне эти посиделки «по-домашнему»! У приятелей столько денег, что можно выкупить целый ресторан. Но Кирилл со Стасом за новый тренд – жить не как нувориши, а как скромные предприниматели. Тратить только «осмысленно». Только при этом, конечно, нужно обязательно извращаться с каперсами и салатом из рукколы. Сейчас бы чего-нибудь мещанского, вроде жареной картошечки

Есть и другая причина, почему мне не нравится друг Кирилла. Между ними – адское соревнование в крутости. Вы подумали об армрестлинге? Может, умении водить машину? Классных часах? Ан нет. Эти веселые старты называются «презирать мейнстрим». Открылся новый модный ресторан? Не пойдем. Там чиновники и эскортницы. Все хвалят книгу-бестселлер? Глупость, мертвый постмодернизм. А не поехать ли отдохнуть на море? Ужас этот ваш олл-инклюзив, лучше «глэмпинг» в богом забытом месте. Вы не знаете, что это такое? И я пару лет назад не знала. Объясняю: это «гламурный кэмпинг». Иными словами, шикарные палатки вдали от цивилизации.

Я ужасно устала и вымоталась за этот неполный день. Как же хочется домой! Именно домой, а не туда, где я живу. В такое «домой», где есть потрепанные детские альбомы, непарные носки под кроватью и глупая кружка со сколотым краем. Но я открываю своей парой ключей квартиру Кирилла

и попадаю в царство хорошего вкуса и стильной непритязательности.

– Ди! Я на кухне! – голос бойфренда полон энтузиазма. Кажется, он по-настоящему воодушевлен предстоящей готовкой. Так и есть: уже разложил на барной стойке продукты. Настоящей кухни у Кирилла нет – эта зона гостиной, где по пятницам творится кулинарное волшебство. Она *нативно* переходит в пространство для отдыха. Кирилл смотрит выжидающе, потом хмурится, а дальше – бросает все и подходит ко мне. Ну наконец-то! Вот и утешительные объятия. Знакомые, уютные, теплые.

– Ди, мне очень жаль, что так получилось. Завтра съездим и напишем заявление, а я постараюсь позвонить паре человек, кого-нибудь найдем в «органах» – Кирилл действует как заклинатель змей: едва уловимо раскачивается, поглаживая по спине. Слова про очередность действий и положительный исход звучат, как медитативная мелодия. Я очень рада сейчас обмануться, правда, очень рада. Немного позитивного вранья – оно как яд, очень полезный в нужном количестве.

– Пойдем создавать твой шедевр, – вздыхаю я. Настроение у меня немного улучшается. Если и вина будет дозволено – так и вовсе неплохая перспектива вырисовывается. Мы часто так проводим вечера: готовим блюда, которые вдохновляют Кирилла, попивая белое полусладкое и болтая обо всем на свете. Один раз так наклюкались, что все подгорело – пришлось заказывать пиццу. Кирилл называет тот вечер

«просто крейзи». Как давно это было!

Понемногу я втягиваюсь. Готовить в четыре руки так приятно — есть в этом что-то интимное. Может, дело во всех этих запахах: как они драконят центры удовольствия! Лосось пахнет сильно, но тонко; сливочный соус источает вкрадчивый аромат. Он почти готов, и Кирилл уже снимает пробу: дует на длинную серебряную ложку, прикрывает глаза, осторожно касается губами. Я люблюсь им: все же чертовски хорош! Привычка стирает остроту первого восприятия. Высокий и подтянутый; как сказала тетка Люба, глядя на фотографии, — «весь такой ладный».

— Попробуй, — Кирилл протягивает мне ложечку, я открываю рот. Ммм, вот так вкуснятина! Сливки — как концентрация нежности. В уголке рта у него осталась маленькая капелька. Я не думаю: меня толкает вперед желание теплоты и близости, стремление сделать что-то живое и настоящее в этот дурацкий, дурацкий день. Приникаю к нему, обхватываю шею и слизываю соус с мягких губ. Кирилл напряженно вздрагивает.

— Так лучше, — шепчу, стирая пальцем остатки своего прикосновения. — Ты немного испачкался, аккуратный ты мой.

Кирилл целует мою ладонь, а потом берет салфетку со столешницы и вытирает губы. Эта мелочь — как песчинка, попавшая между двух шестеренок. У меня вновь портится настроение, и без того крайне нестабильное. Как апофеоз неправильности звучит дверной звонок. Гости пожаловали.

Кирилл уходит открывать, а я остаюсь в «кулинарной зоне». Так не хочется расшаркиваться!

– Диана! – Ко мне с преувеличенным дружелюбием бросается подруга Стаса. Кажется, я опять забыла ее имя. Все-таки ужасный я человек, не компанейский. – Я так соскучилась! Как дела?

– Норм, – мямлю я, уж точно не собираясь ничего рассказывать.

– Какие ароматы стоят! Опять Кирилл приготовил нечто божественное повезло тебе, – выдает она неожиданное. Хотя, это как посмотреть: наверно, многие из окружения основателя успешной компании считают именно меня главным «выгодополучателем».

– Да, повезло несказанно, – соглашаюсь я с этим (со всех сторон верным) утверждением. Два года отношений почти что без ругани, совместное проживание и что ещё записать в колонку с плюсиками? Самого Кирилла, конечно – красивого, умного и верного.

За ужином разговор привычно делится на «тематические секции»: работа – у кого прибавилось сколько пользователей и что происходит с монетизацией; личные достижения – участие в марафоне по бегу и триатлоне «Айронмэн». А дальше рубрика «Долой авторитеты»: кто из известных личностей оказался глуп и недалёковиден, у кого банальный подход Раньше я пробовала разобраться в аргументах и даже участвовала, но сейчас просто зеваю. Подруга, оказавшая-

ся Леной, пытается втянуть меня в обсуждение шоппинг-туризма и подбить на заграничную поездку по аутлетам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.